

СУРКИ, ИХ ЖИЗНЬ И ОХОТА НА НИХ

Сурки в семействе беличьих (Sciuridae) отряда грызунов составляют особое подсемейство.

По месту обитания их можно разделить на горных и низменных. Первые живут в зоне альпийских лугов, вторые — в степях. Первые — крупнее вторых и по размерам достигают величины кошки и даже превышают ее. В лесостепи сурки попадаются, но в сплошных лесах их обычно не бывает. Любят они удаленные от человека места и приближение земельной культуры заставляет их отступать.

Распространены сурки у нас чрезвычайно широко. Мы находим их в степях вблизи юго-западных пределов СССР — у Днепра, и на восток от него, и у границы Чукотской земли, и по всему Туркестану.

В прежнее время в степях юга европейской части СССР сурки встречались в большом количестве и по Днепру, и в Донской области, и в Поволжье, и в Оренбургском крае, но в последнее время, под влиянием все усиливающегося добывания этих зверьков и распашки степей, становится их все меньше и меньше. Можно указать целые районы, где сурок был обычным представителем фауны в сравнительно недавнее время и где теперь его не стало совсем. Так, Н. А. Северцев указывает на степи между Доном, Битюгом и Икорцом, где звери эти в восемнадцатом столетии водились во множестве, но не встречаются уже с тридцатых годов

прошлого столетия, а проф. И. И. Спрыгин сообщает, что сурки совершенно исчезли в пределах бывш. Пензенской губернии, благодаря главным образом распадке целин, хотя водились они там еще на памяти живущих до сих пор стариков. М. К. Серебренников указывает, что от обширных когда-то колоний сурка (*Marmota bobac* Müll (subsp?)) на юге б. Троицкого округа в южном Зауралье остались к настоящему времени лишь жалкие остатки. И во многих других местах зверок этот уменьшается быстро в числе.

Сурки подразделяются на несколько подвидов, из которых охотники, да и пушники, грубо выделяют западную форму — байбака и восточную — тарбагана.

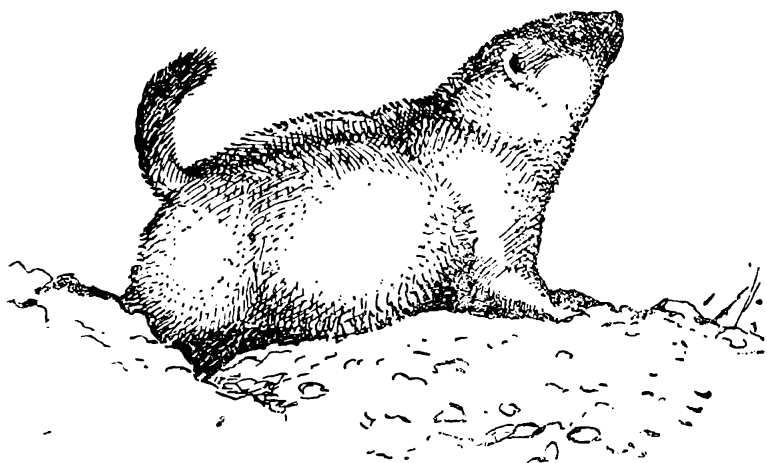
В европейской части нашей страны, начиная с б. Воронежского округа и Донской области, по всему степному Поволжью, в Оренбургских степях и в Казакстане обитает вид, названный еще Палласом в восемнадцатом веке — *Marmota bobac*. У нас эту форму зовут байбаком, а молодых в воронежских степях — аксачками.

Биологические особенности этого сурка довольно полно описаны в книге С. И. Огнева и К. А. Воробьева «Фауна позвоночных Воронежской губернии», а также в работе А. А. Силантьева «Фауна Палова». Последняя работа относится к 1894 году, но до сих пор еще не устарела. По наблюдению С. И. Огнева, сурки предпочитают для своих поселений в Черноземной области твердые залежи степей. Там, где грунт мягче, они встречаются реже, и курганчик над норой там выше и заметнее. В полях они, как уже сказано, не селятся, но попадают иногда, когда распашка охватила собою сурковую колонию, и зверки еще не переселились оттуда или не все перебиты.

С. И. Огнев сообщает, что сурки устраивают нередко свои норы в дорожных колеях, но, к сожалению, не указывает степень пользования этими дорогами — бойкие ли это пути сообщения или запущенные. По

наблюдению этого автора, селятся в таких норах больше молодые особи; старики встречаются там редко, а привлекает их на дорогу повидимому твердость грунта, которую они, как сказано, повсюду предпочитают.

На зиму звери эти погружаются в глубокую спячку, очень приближающуюся к состоянию анабиоза, когда функции организма временно совершенно замирают. Температура у них в это время чрезвычайно падает, и

Сурок.

они находятся в бесчувственном состоянии, из которого даже искусственно вывести их нелегко. Различные подвиды в различных местностях находятся в этом состоянии разное время, но для воронежских сурков приблизительный период зимней спячки можно определить, по С. И. Огневу, в полгода. Обычно они показываются там из нор в конце марта-начале апреля, редко раньше, а погружаются снова в спячку в сентябре и в исключительно теплую и сухую осень, в самых первых числах октября. Так, у А. А. Силантьева записано, что в 1898 г. видели байбаков первого октября нового стиля.

Селятся сурки редко одиночными норами, а большими колониями, причем норы их занимают в иных местах нередко лисицы, и такое соседство мало беспокоит главное население указанных колоний, хотя лисица является злейшим врагом этих грызунов.

С периодом весеннего выхода из нор совпадает и деление молодых особей от стариков и расселение их самостоятельным сурчинам, как принято называть норы сурка.

В начале апреля происходит и спаривание у сурков. Воронежские сурки, по С. И. Огневу, выходят поспячки в сильно потертой шерсти, хотя линька проходит у них в июле, и только в августе старики одевают свой более темный наряд — становятся выходными.

Срок беременности сурков С. И. Огнев определяет приблизительно в один месяц. Половой зрелости достигают сурки на втором году. Мечет самка в году один раз. В конце мая молодежь появляется уже возле нор. В это время и старики охотно показываются за их пределами.

В норах сурки устраивают гнезда, удаленные, по сообщению Радде о восточном тарбагане, на 5—7 метров от главного входа. Иногда это удаление достигает 14 метров. Главный вход, по этому натуралисту, делится уже на глубине от одного до полутора метров на несколько извилистых рукавов, из которых многие тоже расчленяются, а некоторые заканчиваются тупиками. Назначение этих мелких рукавов, как думает Радде, доставлять землю для закрывания главного входа на зиму.

В норе бывает обычно две камеры, из которых одна служит для помета, а другая для обитания хозяев в зимнее время. Вход в нору на зиму сурки забивают плотно до метра, употребляя для этого, смотря по местности, землю, траву, песок, собственный помет и даже камни.

Показания относительно зимней температуры в норе весьма противоречивы. Одни говорят, что она держится на точке замерзания, другие, и между прочим, доктор Бунге, которого цитирует С. И. Огнев («Млекопитающие северо-восточной Сибири»), что она спускается на 20—30 градусов по Цельсию ниже нуля. Доктор Бунге говорит о тарбагане, названном профессором Кащенко в честь него *Arctomys bungei*, обитающем к востоку от верховьев Лены, в северной части Верхоянского хребта, около $72\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты. В этих местах тарбаган проводит в норе до девяти месяцев, появляясь из нее в июне и уходя в нее в сентябре, т. е. бывая в году вне норы 3—3½ месяца.

В первое время по уходе в нору тарбаган ведет активную жизнь, поедая свои небольшие пищевые запасы и оставляя много помета. В это время нелегко овладеть им в норе, так как он быстро и ловко закапывается в землю. Знающие охотники не трогают его, пока окончательно заходит.

Добывают его из норы с надлежащим успехом тогда, когда наступят холода, и он впадает в состояние зимнего оцепенения. Насколько слабо проходят физиологические процессы у сурка в период зимней спячки, можно судить потому, что весной он выходит из норы, потерявши немного жира, и выглядит совершенно упитанным, хотя и не очень жирным. Следовательно, процесс обмена веществ у него почти останавливается. Спадает он несколько с тела в первые дни после выхода из норы, пока еще не появилась растительность. С ее появлением он быстро опять отъедается.

Дневной образ жизни тарбагана в летнее время известен путешественник Н. М. Пржевальский изображает так:

«Утром, через час или около того по восходе солнца тарбаган вылезает из своей норы на покормку. Из

норы покажется не вдруг: сначала высунет лишь голову, да и то не всю, и долго смотрит во все стороны. Зрение у этого зверка отличное, слух также, обоняние как говорят, есть и недурное. Уверившись в безопасности, тарбаган вылезает, кормится и идет на водопой к ближайшей воде. В последней, вероятно, у описываемого зверя нет особенной потребности, так как иногда норы выкапываются им на совершенно сухих горных склонах, на довольно большом расстоянии от ближайших ключей и речек. Впрочем, для водопоя и покорма тарбаган там, где не пуган человеком, отходит от норы шагов на 150 или 200. Зачув опасность, неуклюжий зверок опрометью бросается к ближайшей норе — своей или чужой — безразлично, но бежит тихо, так что собака легко догоняет его. У входа в нору, если опасность еще далеко, тарбаган почти всегда останавливается, садится на задние лапы, а тело поднимает вертикалью вверх и смотрит на своего врага, причем обыкновенно свистит. Кроме свиста, тарбаган изредка и уже в норе, издает особый глухой звук, вроде «кв-ква-ква». Вообще голос юлдусского тарбагана отличается от голоса ганьсуйского (*A. robustus*). Насторожившись у входа в нору, тарбаган не допускает к себе человека ближе 150 шагов, собаку же поджидает шагов на 50, не умолкая, при этом свистит и, наконец, юркнет в нору».

Это описание относится к тарбагану, носящему название *A. dichrous*, но является характерным и для большинства азиатских форм. По наблюдениям Н. М. Пржевальского, большинство тарбаганов выходит из нор, как пригреет солнце, и скрывается в них обратно часам к 9—10 утра. Снова появляются они часа в три пополудни и кормятся часов до 6—7 вечера. Конечно, многие появляются и в другое время. Выходят они только в хорошую погоду, а в ненастье не показываются по нескольку дней, хотя бы не имели в это время и пищи

Там, где тарбаганы живут по соседству с людьми и где последние их не трогают, они доверчивы и подпускают человека на выстрел, а в местах, где людей мало и где зверки к ним не привыкли или где люди пугают их, они чрезвычайно строги.

Эти наблюдения знаменитого путешественника нашего характерны для различных видов сурка. А видов сурка в нашей фауне порядочно. Так, профессор Д. Н. Кашкаров указывает четыре вида только для фауны Туркестана. Это сурок хвостатый (*A. caudatus* Geoff), населяющий альпийскую зону Памира, Гиссара, Алая и Тянь-Шаня. Хвост у него равен половине длины тела или немного больше нее. Он ржаво или желтовато-красный сверху и снизу, с черной расцветкой на голове, спине и хвосте. За ним следует сурок центральный (*A. centralis* Thomas). Хвост у него значительно короче, чем у первого. Он резко двухцветен, видимо синоним сурка двухцветного (*A. dichrous* Büchn). Дорсальная (со спины) сторона его серая с черным, вентральная (со стороны брюшка) — ржаво-красная. Щеки и шея сбоку — темносерые. Водится в западном Тянь-Шане. Третьим из горных сурков считается сурок Мензбира (*A. menzbieri* Kaschk). Этот сурок летом — красновато-желтый, зимою же почти черный, с желтовато-рыжеватым брюшком. Щеки у него рыжие, а под ушами и на внешней стороне передних ног — шерсть светло-желтая. В сурке, населяющем равнины Джетысу на Или, Д. Н. Кашкаров усматривает особый вид — *Arctomys baibacina* Brdt.

Самым интересным для нас в настоящее время сурком является забайкальская форма, дающая нам сравнительно большое количество шкурок — *Marmota sibirica* Radde. Б. А. Кузнецов, просмотревший большое количество шкурок этого тарбагана на складах, пишет, что зверок этот чрезвычайно разнообразен в окраске своего меха. По мнению местных промышленников, расцвет-

ка эта связана с цветом почвы места, где добыт сурок. Так, у тарбаганов, обитающих в известковых сопках горной Даурии, мех расцвечен обычно в серые тона, у особей, обитающих в песчаных равнинах, преобладают в расцветке меха желтые тона.

Среди этих сурков, по наблюдениям Кузнецова, часто встречаются случаи меланизма и альбинизма. Затем наблюдатель этот усмотрел, что раскраска меха сурков связана до некоторой степени и с временем и добывания. Так, весенние меха светлее и краснее мехов осенних.

Как мы видели выше, и в других районах выходного меха у сурка темнее невыходного. Во всяком случае все эти интересные наблюдения желательно подвергнуть дальнейшей проверке на возможно большем числе особей. По свидетельству работавшего в Восточной Сибири в качестве горного инженера Черкасова, давшего прекрасное описание образа жизни этого сурка и его добывания, в пятидесятых-шестидесятых годах прошлого столетия тарбаганы широко и густо населяли всю военную ими область. Это подтверждается и наблюдениями Радде, но Кузнецову удалось уже встретить далеко не столь радужную картину. Больших колоний сурка видеть ему по степям Даурии уже не удалось, хотя встречается этот зверок там еще повсеместно, за исключением северного района, где стал уже редок. По наблюдению Кузнецова, описанный им тарбаган предпочитает для своего поселения степи со смешанным травяным покровом.

Тарбаганов сохранилось немало по течению реки Борзи и вдоль Монгольской границы. Здесь с 1927/28 года Дальхотсоюзом устроено тарбаганье охотхозяйство на площади в двадцать пять тысяч квадратных километров равнинной степи, изредка пересеченной на восточной стороне отрогами горных хребтов. Преобладающей почвой этого места являются каштановые

суглинки и переходные черноземы, среди которых распространены комплексы солонцов и местами полуболотных почв. Местность эта расположена между 114° и $119^{\circ} 36'$ восточной долготы от Гринвича и $51^{\circ} 50'$ и $52^{\circ} 75'$ северной широты. Восточной границей этого хозяйства служит река Аргунь от станции Заргоя до ст. Абагайтуй. С юга государственная граница с Манчжурией и Монголией от ст. Абагайтуй до озера Цаган Нор, вблизи село Н. Дурышевское, с запада параллель между селами Н. Дурышевским и Уст-Лока. С севера — административная граница с Ачинским аймаком Бурятско-Монгольской АССР до Чинданта 2-го и далее через села: Борзя, Ключевское, Цаган-Олуй, Борун, Кондуй, Монкечур, Пури, Чиндагатай, Н. Калукан и Заргельское.

Обитающий на площади этого охотхозяйства тарбаган достигает весом восьми килограммов при длине в шестьдесят сантиметров. В период с 1911 до 1914 г. плотность населения сурков на квадратный километр определялась в пятнадцать семей. К настоящему времени плотность эта снизилась до шести семей. Количество охотников за тарбаганами в этой местности значительно, и запасы зверя стали под угрозу катастрофического уменьшения.

Чтобы судить о количестве добытчиков тарбагана, можно использовать справку Хмара-Борщевского, что в 1910 году через одну только станцию «Манчжурия» прошло 11.000 охотников, а заведующий Забайкальской противочумной организацией доктор В. В. Сукнев определяет число охотников на тарбагана за 1925 год в 8.000 человек. В 1928 году на площади этого охотхозяйства промышляло 4.500 человек, что составляет половину всего мужского местного населения.

Сурки (тарбаганы) выходят на Дальнем Востоке из нор в начале апреля — по Черкасову 25 марта старого стиля. Как только покажутся они из своих подземных

убежищ, так тотчас же начинается и охота на них. Главным образом в прежнее время добывали их туземцы, но теперь не отстает от них и пришлое русское население.

Многие охотники терпеливо караулят их возле нор, ожидая их появления. Этот способ особенно охотники применяют туземцы. Лежать здесь нужно совершенно затаившись, а в особенности соблюдая осторожность в отношении движений. Ружье при этом должно быть заранее направлено в сторону норы. Выше уже сказано, что сурок не появляется сразу за пределами норы, а выходит постепенно, зорко оглядываясь и чутко прислушиваясь ко всем могущим вселить в него подозрение звукам. Всякое движение охотника будет замечено осторожным зверем, который и вообще нескоро показывается из норы, а заметивши что-либо подозрительное, может и совсем не показаться. Скорее сурок показывается утром или вечером, а днем его нескоро дождешься. Ждать сурка при этом способе приходится долго и взять за день две-три пары зверьков этим способом весьма нелегко. Некоторые охотники очень осторожно и ловко подползают к сидящим у бутанов суркам и стреляют их пулькой. Этот способ добывания требует, пожалуй, еще большего искусства от охотника. Но в Забайкалье существуют особые способы скрадывания сурка при помощи специально приученной к совместной с хозяином работе собаки. Дело в том, что сурок, завидя охотника и на значительном расстоянии, скрывается обычно от него в нору, из которой потом вновь долго не показывается. От собаки же он не так скоро прячется, а завидя ее издали, начинает свистеть и лаять, выражая, повидимому, этим свое раздражение. По мере того, как собака приближается к бутану, раздражение зверька возрастает, он с большим напряжением и вниманием следит за собакой и прячется от нее только тогда, когда она приблизится к норе шагов на